

Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века / Под ред. Петра Бухаркина, Ульрике Екуч, Натальи Кочетковой.
СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. 448 с.

Новый сборник статей, подготовленный совместными усилиями российских, немецких и итальянских литературоведов, с одной стороны, традиционное и вполне ожидаемое издание, с другой — решительно новаторское и оригинальное, разрушающее устойчивый стереотип образа русской литературы XVIII в., сложившийся в современной филологии. Как известно, последнее десятилетие отмечено заметным возрастанием интереса к начальному периоду становления литературы нового времени в России: переиздание классических трудов Г.А. Гуковского, Л.В. Пумпянского, Ю.М. Лотмана, появление целого ряда новых монографий, справочников, учебно-методических изданий, публикации творческого наследия писателей XVIII в., проведение научных конференций и издание сборников статей по их материалам соперничают в популярности своей с конференциями и сборниками, посвященными русскому модернизму¹.

Подготовке настоящей книги, приближающейся, по словам У. Екуч, к коллективной «монографии» (с. 12), также предшествовала конференция под одноименным названием, прошедшая в Санкт-Петербургском государственном университете в сентябре 2009 г. Между тем на фоне традиционных тематических сборников, объединяющих статьи, посвященные отдельным авторам, жанрам, стилям, чаще — самым разным и далеким проблемам, которые связаны лишь материалом исследования, «Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века» впервые рассматривает тексты — устные и письменные, церковные и светские, литературные и бытовые — с точки зрения прагматики, обуславливающей в конечном счете синтактику и семантику новых жанрово-стилевых явлений, самым тесным образом связанных с формированием новых представлений о статусе «событий», из которых складывается общегосударственная или приватная история. Сочинениями «на случай», безусловно, можно назвать подавляющее большинство произведе-

¹ Поскольку рамки рецензии не позволяют привести достаточно репрезентативные списки для всех указанных групп публикаций, отметим лишь одну, на наш взгляд, в высшей степени важную — комментированное переиздание «Способа...» В.К. Тредиаковского (1752 г.), подготовленное Н.Ю. Алексеевой в серии «Литературные памятники»: *Тредиаковский Василий*. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб., 2009.

ний, созданных в эту эпоху; а потому событие общественной или частной жизни как импульс и условие текстопорождения позволяет по-новому увидеть и интерпретировать механизмы освоения русской литературой европейских моделей, внутреннюю логику трансформации древнерусских и фольклорных жанров в новом культурном пространстве, где решительно меняются представления о пространстве и времени, этических и эстетических ценностях. Такой ракурс рассмотрения материала неожиданно преодолевает привычную модель жанровой иерархии, ставя в один ряд торжественную оду и мадригал, элегию и торжественную речь, панегирик и эпитафию. Являясь своеобразным примером воплощения принципа барочного остроумия, выступающего в качестве научной провокации в лучшем смысле слова, сборник совмещает этот новый, неожиданный ракурс с композицией, соответствующей традициям риторической культуры: пять основных разделов — «Торжественное церковное красноречие», «Разновидности светского публичного панегирика», «Панегирики в дружеском и семейном кругу», «Танатология и окказиональная поэзия», «Праздники и торжественные акты XVIII века и литературная культура» — отчетливо коррелируют со структурой авторских сборников сочинений в эпоху классицизма — «Богу, царю, людям, себе». Подобное «сочетание несочетаемого» подчеркивает совмещение двух принципиально различных теоретико-методологических подходов, представленных в статьях, рассматривающих материал ретроспективно, в семантической плоскости постриторической культуры и в контексте культуры классической.

Определенные сомнения, правда, вызывает очевидное противоречие между обозначенным в заглавии контекстом — «праздничная культура» — и предметом исследования в статьях *С.И. Николаева* и *Н.П. Морозовой*, поскольку эпитафия, будучи «стихотворением на случай», все же остается за пределами «торжеств», как и отрицательные рецензии на посвящение перевода «Аргениды» *В.К. Тредиаковского*, которые дали *С.В. Крашенинников*, *М.В. Ломоносов* и *Н.И. Попов*, — объект исследования в статье *Н.Ю. Алексеевой*. Несколько «выпадает» из границ обозначенной эпохи и статья *Б. Хольцу* о женских панегириках эпохи Александра I.

Первый раздел сборника включает статьи *П.Е. Бухаркина* и *Е.И. Кисловой*, посвященные эпидейктическому красноречию конца XVII — начала XVIII в. Обращаясь к парадным проповедям *Димитрия Ростовского* и *Стефана Яворского*, *П.Е. Бухаркин* показывает, как принцип отражения, оставаясь одной из основных текстопорождающих стратегий, позволяет расширять функции проповеди, постепенно обретающей «публицистическую ангажированность»; не теряя связи с «церковной жизнью вообще и богослужениями в частности», <...> церковное слово <...> все более и более наполняется иным содер-

жанием, лишь косвенно относящимся к его основному назначению и направленным в первую очередь на решение политических задач» (с. 25–26). *Е.И. Кислова* рассматривает проповедь более позднего времени (1740-х гг.) в качестве редкого источника для истории русского языка, в первую очередь с точки зрения соотношения маркированных элементов церковнославянского и русского языка. Она убедительно доказывает, что, являясь своеобразным «антиподом» светских текстов, проповедь отражает и авторские представления о подобающем жанру языке.

Наиболее объемный и разнообразный по материалу раздел сборника, посвященный светскому панегирику, открывает статья *В. Кролля* «Эмблематика и топка в панегириках Стеана Яворского», где поэтическое новаторство эмблематической практики Яворского усматривается в жанрово-синкретической организации словесного текста, обусловленной в значительной степени принадлежностью автора к трилингвальной культурной модели киевского барокко. *Р. Николози* прослеживает истоки формирования «петербургского текста», рассматривая две формы репрезентации Петербурга — «собственно городской панегирик» и «место события» — в торжественных одах и прославляющих речах XVIII — начала XIX в., показывая, как в панегирике, корни которого уходят в античную традицию эпидейктического изображения города, постепенно развивается специфическая петербургская топка. В статье «Немецкоязычная окказиональная литература в России XVIII века» *У. Екуч* описывает немецкую поэзию Москвы, Петербурга, балтийских губерний как важную составляющую русской имперской культуры. Панегирической ораторской прозе середины XVIII в. посвящена статья *Е.М. Матвеева*. Здесь на примере светских торжественных слов Тредиаковского, Ломоносова, Поповского и Сумарокова прослеживается эволюция панегирика, особенно отчетливо воплощенная в принципах изображения адресата (царствующей особы) и адресанта (автора слова). Эпизод литературной и служебной деятельности В.К. Тредиаковского *Н.Ю. Алексева* рассматривает как показательный пример «встречи русской культуры с западноевропейской»: критикам посвящения перевода русской «Аргениды» оказалось непонятным «поучение монарху» и одновременно ущербным его стиливое оформление, воспринятое как подчеркнуто льстивое и тем самым предосудительное. В статье *Н.А. Гуськова* сравнительно-сопоставительному анализу подвергнуты редакции оды А.П. Сумарокова «На государя Петра Великого», в которой автор «искал свой извод панегирического жанра» (с. 193). Стихотворения Г.Р. Державина к Фелице, неоднородные по жанровому и тематическому репертуару, описывает *М.В. Пономарева*, отмечая связь двух стратегий формирования образа императрицы с державинской дифференциацией «екатерининских» стихотворений на «важные»

и «забавные», разведенные по разным томам «Сочинений». Статья *К. Гарстка* посвящена изображению Екатерины II в патриотической и прорусской польской окказиональной литературе, которая была более политизирована, нежели другие культуры, а потому гораздо острее реагировала на политические события русско-польских отношений. *Б. Хольц* рассматривает панегирики Александру I, созданные Е. Урусовой, А. Волковой и А. Буниной; созданные после заката «высокого» панегирика, они, как показывает автор, возрождают классицистский канон и соблюдают «все законы высоких жанров» (с. 227), что объясняется в значительной степени принадлежностью женщин-панегиристок к лагерю участников «Беседы любителей русского слова». В заключительной статье раздела «Панегирики поэтам» *Е.Д. Кукушкина* описывает стилистические, композиционные, образные особенности похвальных «слов», которые, сохраняя свой окказиональный характер, «постепенно выработали стройную систему художественных приемов и средств выражения» (с. 231).

Следующий раздел — «Панегирики в дружеском и семейном кругу» — включает три статьи, посвященные разным проблемам, но написанные на материале «приватных» окказиональных текстов. *Н.Д. Кочеткова* впервые систематизирует и вводит в научный оборот стихотворения разных жанров, посвященные частным и семейным событиям (поздравления по случаю награды, получения чина, дня рождения, именин, бракосочетания и т.п.). Написанные в последние десятилетия XVIII в., в период развития сентиментализма, они тяготеют к камерным жанрам, расширяющим жанровые и стилистические границы, и отмечают, с одной стороны, начало заката «высокого» панегирика, с другой — изменение статуса панегирика «приватного», распространение которого демонстрировало, что «событие частной жизни завоевывало право на внимание читающей публики» (с. 266). В статье «Мадригал в контексте комплиментарной поэзии XVIII века» *М.В. Бухаркина* обращается к популярному, но до сих пор мало изученному жанру, первый образец которого появился еще в «Новом и кратком способе...» В.К. Тредиаковского. Историческая смена типов мадригала — высокого — салонно-альбомным — с характерной для последнего многотемностью и лирико-интимной интонацией отражает, по мнению автора, общую тенденцию развития русской культуры второй половины века — стремление к «эстетизации частной жизни в наиболее ярких ее проявлениях» (с. 277). *Е.В. Душечкина* на примере анализа персонифицированных образов времен года прослеживает, как указ Петра I о переходе на новое летосчисление, утверждающий в русской культуре «новую концепцию времени» (с. 281), приводит в русской поэзии к постепенной выработке приемов изображения природы, а к концу века Зима, неизменно изображающаяся как существо

женского пола, становится своеобразным «русским брендом», причем количество ее персонификаций «ни в какое сравнение не идет с другими временами года» (с. 287).

Статьи следующего раздела посвящены текстам, написанным по случаю смерти и погребения. *С.И. Николаев* обращается к эпитафии и элегии на смерть поэта, демонстрируя на примерах надгробных надписей, автоэпитафий и «стихов на смерть» изменение отношения к «адресату» текста, который, сохраняя «интимный характер переживания утраты, приобрел публичный характер» (с. 297) и стал исключительно популярным. Неопубликованным текстам державинского «некрополя» посвящена статья *Н.П. Морозовой*, в которой дано комментированное описание надгробных надписей и эпитафий, сочиненных Г.Р. Державиным.

Заключительный раздел сборника включает статьи, написанные на материале зрелищных представлений, театральных действий, публичных праздников и официальных торжественных актов, которые становятся важными составляющими новой светской культуры именно в XVIII в. *М. Феррацци* рассматривает период становления русского театра, в формировании которого наряду с итальянцами приняли участие и русские поэты. Малоизвестная или вовсе не известная до настоящего времени фактография объединяет эту статью со следующей — «Официальный праздник в российской провинции последней трети XVIII века» *Р.М. Лазарчук*, где описание торжеств по поводу событий государственного масштаба в провинциальных городах «позволяет обнаружить традиционную для городского праздника трехчастную композицию» (с. 329). Посвященная текстам о садах и садовых праздниках статья *А.Ю. Веселовой* впервые не только привлекает малоизвестные тексты, но и доказательно демонстрирует влияние садового стиля на тексты садовых описаний, их поэтику: «<...>смена регулярного сада пейзажным оказывается изоморфна вытеснению садоописательной оды дружеским посланием» (с. 403). О празднично-риторической культуре в кадетских корпусах рассказывает *Д.В. Руднев*, обращающий особое внимание на театральную составляющую празднеств, а завершающая сборник статья *А.А. Костина* рассматривает торжественные речи официальных научных собраний в Петербургской академии наук и Московском университете сквозь призму формирующегося в России светского ритуала.

Сборник — по примеру академических изданий — сопровождает указатель имен, что существенно облегчает поиск необходимой информации.

В целом отличаясь высокой филологической акрибией, книга не лишена единичных мелких неточностей в формулировках отдельных статей. Например, строфа *AbAbCC* «Дитирамба» Сумарокова без должных на то оснований названа «усеченной одической строфой»

(с. 155), а метрико-строфическая организация «Письма к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы...» — разностопный Я6666446446 с рифмовкой канонической одической строфы Малерба — характеризуется как чередование «шестистопной ямбической строфы, осложненной стопами пиррихия, с четырехстопной строфой» (!) (с. 239).

В процессе преодоления так называемого кризиса научной парадигмы, о котором, кажется, пишут больше, чем реально его преодолевают, рецензируемый сборник, на наш взгляд, играет более чем существенную роль и нуждается в переиздании, однако в более выверенном и расширенном формате, не ограниченном «праздничной культурой».

Е.В. Хворостьянова (Санкт-Петербург)

Сведения об авторе: *Хворостьянова Елена Викторовна*, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы филол. ф-та Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: ekhvorost@mail.ru